

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.224

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ КАК МОДЕЛЬ ГИБРИДНОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ КОНФУЦИЯ

Е.В. Драгун, Ю.В. Колесниченко

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва

Рассматривается концепция «Благородного мужа» (цзюнь-цзы) в учении Конфуция и ее влияние на формирование моральных и этических стандартов, сформировавшееся в периоды значительных социально-экономических изменений в Китае в VI–III вв. до н. э. Особое внимание автор уделяет идее «гуманности» (жэнь), предложенной Конфуцием в философском трактате «Линь Юй» и ее интерпретациям различными учеными. Представлен анализ концепции «Благородного мужа» как идеала духовных и моральных целостностей в конфуцианской философии. Актуальность выбранной темы обусловлена значимым и востребованным вниманием к социальным преобразованиям в рамках социальной инженерии, реализуемой через построение модели гибридной личности в современном китайском обществе.

Ключевые слова: «Благородный муж», Конфуций, конфуцианство, социальная философия, социальная инженерия, модель личности, гибридная личность, моральные стандарты.

Проблематика социально-преобразовательной деятельности человека с момента зарождения философии является одной из основной тем философии. Задача этой деятельности всегда была связана с поиском идеалов общественного устройства и в приведении к данным идеалам реально существующих обществ. На протяжении всей истории Китая актуален нарратив о целеустремленном китайском гражданине, который готов для своей страны самоотверженно трудиться, следуя общественным ценностям китайского правительства, этому способствовала реализованная в рамках социальной инженерии общества модель личности «Благородного мужа» Конфуция, которая получила распространение в самом начале истории китайского общества.

Данная модель личности смогла пройти без существенных исторических и социальных изменений, как будет описано далее в статье, показать приспособленность к социальным реалиям, имея выраженность позитивных этических и духовных качеств. Также предложенная эталонная модель личности в социальной инженерии доказала свою аксиологическую ценность в рамках реализации всех поставленных перед обществом задач и целей заказчиком социальных изменений – государством. Демонстрируя

устойчивое и динамичное развитие, повлиявшее на социальное благополучие общества, а социальные факторы – на экономическое развитие общества как целостной социальной системы Китая в настоящее время.

Основная цель данной статьи заключается в анализе роли и значения концепции «Благородного мужа» в учении Конфуция, а также ее влияния на формирование моральных и этических стандартов в китайском обществе. Особое внимание уделяется исследованию тех качеств, которые, согласно Конфуцию, должны быть присущи «Благородному мужу», а также анализу их значимости в условиях социальных и политических изменений современного общества. Данная тема является актуальной, поскольку многие идеи и принципы, предложенные Конфуцием, заложили фундаментальные основы личности как идеального человека не только в конфуцианской философии, но и для социальной философии в целом, оставаясь предметом рассуждений и построения научных дискуссий в рамках обсуждения современных социальных систем.

В философском и этическом дискурсе конфуцианства, основанном на учении Конфуция, особое внимание уделяется концепции «Благородного мужа», или «цзюнь-цзы». Этот идеал воплощает в себе комплекс моральных и этических качеств, таких как духовное благородство, моральная целостность, честность и справедливость, а также глубокое уважение к культурным традициям и предкам. В контексте конфуцианской философии «Благородный муж» выступает не только как личностный идеал, но и как образец для общественного подражания, подчеркивая значимость гармонии в социальных взаимодействиях. Конфуцианская этика подчеркивает важность выполнения личностью своих социальных ролей и обязанностей для достижения общественного благополучия и гармонии. «Благородный муж», как идеал, представляет собой модель для этического поведения в различных аспектах общественной жизни, включая семейные, социальные и государственные отношения: следование высоким моральным стандартам и личной добродетели.

Эта концепция служит направляющим принципом для формирования морального поведения, основанного на уважении к общественному порядку и культурным традициям. Таким образом, исследование конфуцианской концепции «Благородного мужа» раскрывает ее влияние на формирование личностных качеств и их роли в общественном контексте, предлагая модель, основанную на этических нормах и глубоком понимании социальной ответственности.

В контексте европейской персоналистской традиции, где личность рассматривается как абсолют и чье основание находится в христианстве, китайская духовная культура выдвигает учение Конфуция в качестве аналогичного фундамента [1, с. 405–409]. Здесь фигура «цзюнь-цзы», или «благородного мужа», выступает в роли абсолюта, воплощающего в себе идеал нравственности, присущий конфуцианству [13, с. 504–514].

Основой для формирования конфуцианского учения о идеальном человеке послужили значительные социально-экономические изменения в Китае в периоды Весен и Осеней и Борющихся Царств (VI–III вв. до н. э.). Развитие частной собственности и появление новых социальных и экономических структур привели к изменениям в человеческом характере и поведении. Ранее человек был тесно связан с семьей и патронимией, теперь же начал выходить за рамки этих связей, формируя новую систему ценностей и изменяя свое поведение. Эти перемены вызвали у китайских мыслителей тревогу относительно моральной деградации общества, особенно заметной в учении Конфуция, где выражается ностальгия по «золотому веку» прошлого [10, с. 41–56].

Конфуций вместе с другими мыслителями древнего Китая задавался вопросом о природе человека, приходя к выводу о негативном влиянии богатства и знатности на человеческий характер и поведение. Его наблюдения за людьми различных социальных слоев показали, что стремление к богатству и знатности, а также отвращение к бедности и презрению являются общечеловеческими чертами, что он критически осуждал в своих учениях [10, с. 142–159].

В рамках анализа философии Конфуция автор акцентирует внимание на стремлении человеческой природы к богатству и знатности и одновременном страхе перед бедностью и презрением. Эти аспекты, неотделимые от человеческой сущности, оказывают влияние как на индивидуальное поведение, так и на поведение коллективов и целых этнических групп. Подтверждением этого служат редкие, но пронизательные высказывания Конфуция о человеческой природе, упомянутые его учеником Цзы Гуном, где философ критически относится к современным ему людям, подчеркивая их недостатки и ошибки [9, с. 336].

В этом контексте Конфуций, выделяя природные черты человека, стремится найти способы использования этих качеств для блага общества. Его учение о природе человека представляет собой анализ «рабочего материала», который необходим для построения модели общества и государства. Конфуций считал важным понять скрытую природу человека, чтобы эффективно воздействовать на нее, стремясь направить человеческие стремления и преодолеть нежелательные состояния через следование «установленному пути» [10, с. 340].

Центральное место в учении Конфуция занимает понятие «цзюнь-цзы» – «благородный муж», образ идеального человека, который служит примером для подражания. Благородный муж обладает качествами справедливости, скромности, правдивости, приветливости, почтительности и искренности и постоянно стремится к самоусовершенствованию [10, с. 342].

Одной из ключевых нравственных основ благородного мужа является конфуцианское понятие «жэнь» [2, с. 33–53]. В контексте анализа конфуцианского понятия «жэнь» различные ученые предлагают разнообразные интерпретации этого сложного термина. Этот концепт часто переводится

как «человеколюбие», «человечность» или «гуманность», однако точный эквивалент в европейских языках подобрать сложно. Например, выдающийся русский синолог Николай Иосифович Конрад утверждает, что жэнь следует понимать как «человеческое начало» в человеке [7, с. 425]. В.С. Колоколов, в свою очередь, предлагает перевод «благорасположенность» [4, с. 115–124]. Английский ученый Хёрли Крил считает, что «добродетель» является наиболее адекватным переводом [17, р. 87]. Леонард Сергеевич Переломов, известный советский исследователь, полагает, что термин «человеколюбие» наиболее точно отражает суть жэнь. Это мнение подтверждается диалогом Конфуция с учеником Фань Чи, в котором учитель определяет жэнь как любовь к людям [10, с. 387]. С течением времени в китайском языке жэнь обогащалось, приобретая все больше оттенков «человеколюбия» и «гуманности», что отражает эволюцию понимания и важности этого термина в китайской культуре и философии.

Так, в эпоху Конфуция концепция жэнь, олицетворяющая этические ценности и нормы поведения, представляла собой многогранное понятие, охватывающее различные аспекты человеческой природы и социального поведения. По мнению философа, человеческая природа неизменно стремится к достижению богатства и знатности, в то время как страх перед бедностью и презрением является ее неотъемлемой частью [6, с. 223–229]. Эти тенденции не только определяют поведение индивидуумов и коллективов, но и формируют общее поведение этноса [10, с. 381].

Конфуций насыщал понятие «жэнь» разнообразными этическими представлениями и правилами поведения, которые выходили за рамки традиционного понимания человеколюбия. В его учении человеколюбие предполагает преодоление собственного «я» и возвращение к строгим правилам поведения как фундаменту нравственности [5, с. 151]. Такое понимание жэнь является ключевым в его философии и представляет собой стремление к высшим духовным ценностям.

Интересно отметить, что ученики Конфуция, стремясь понять суть жэнь, обращались к своему учителю с вопросами о том, кто из них обладает этим качеством. Ответы Конфуция демонстрируют, что обладание жэнь требует не только профессиональных качеств и способностей, но и высокого нравственного уровня. Это подчеркивает, что жэнь является многогранным понятием, отражающим лучшие качества человека.

Конфуций в образе благородного мужа видел ключ к созданию гармоничного общества. Он утверждал, что цель человека заключается в достижении земного совершенства через нравственное самосовершенствование, и это достижение не зависит от религиозных убеждений. Эта идея получила дальнейшее развитие в исследовании Александра Степановича Мартынова [8, с. 58–67], где подчеркивается значимость конфуцианского учения в формировании общественных и личностных ценностей, что направлено на осмысление конфуцианства, опирается на убеждение, что конфуцианство выходит за рамки экзотической специализации, представляя собой

значимый элемент в широком спектре интеллектуальных и духовных достижений человечества. Эта позиция указывает на возможное превращение конфуцианства в один из ключевых объектов интеллектуального туризма в ближайшем будущем, подразумевающего не только физическое, но и временное и пространственное путешествие, способствующее обогащению знаний и предоставляющее терапевтический эффект в виде отдыха от насущных проблем и их переоценки. Далее автор выделяет важность осознания конфуцианства не просто как части духовного наследия человечества наряду с другими великими религиями и учениями, но и как актуального инструмента выживания в усложняющемся мире.

Анализируя философский труд Бориса Львовича Рифтина [14, с. 23–40] в контексте «Благородного мужа» как этико-политического учения Конфуция о человеке и обществе, можно увидеть, как важно понимание и правильная интерпретация социального положения персонажей и их характеристик в китайской мифологии. Работа, сосредоточенная на прозаической литературе, исследует эволюцию изображения человека, опуская специфику портретного изображения в поэзии и драме. Основное внимание уделяется мифическим героям и выяснению глубинной семантики мифологических образов, которые рано подверглись историзации под влиянием конфуцианского рационализма. Автор ставит перед собой задачу реконструкции древнейших зооморфных черт предков и выявления связи необычного внешнего облика мифических героев с тотемистическими представлениями. Также исследуются принципы портретного описания в древнекитайском мифопоэтическом мышлении и сравниваются с изобразительным искусством. Этот анализ позволяет показать различия в создании образа в разных видах искусства, в зависимости от материала и жанровых традиций. Далее автор рассматривает изображения мифических героев в контексте архаических представлений и их соотношение с портретными характеристиками, исследуя формирование знаков-клише, которые использовались для создания портретов мифических героев, исторических деятелей и литературных персонажей в различных эпохах. Это исследование расширяет понимание взаимосвязи между мифическими представлениями и портретными характеристиками согласно конфуцианским представлениям о «благородном муже». Таким образом, работа подчеркивает значимость глубокого понимания и анализа мифологических образов в контексте этико-политического учения Конфуция, особенно в отношении его социальной роли и символического значения в обществе.

В рамках курса лекций по древнекитайской философии Станиславу Юрьевичу Рыкову [16, с. 129–163] удастся расширить материал, в частности, по философии моистов, опираясь на исследования Ангуса Чарльза Грэма [18, с. 241–244]. Это представляет собой значительное обогащение академического дискурса, дополняя и расширяя понимание конфуцианской традиции и ее влияния на формирование концепции «Благородного мужа». Важность работ Михаила Леонтьевича Титаренко [3, с. 526–547] и

А.Ч. Грэма в этом контексте неопенима, т. к. они предлагают глубокий аналитический взгляд на философские течения и их эволюцию в Китае. Далее. Подход автора к изложению древнекитайской философии характеризуется уникальным сочетанием хронологического и тематического анализа. Этот метод позволяет не просто проследить историческое развитие философских идей, но и выявить их внутреннюю логику и смысловую связь. Такой подход ценен в контексте понимания концепции «Благородного мужа» в конфуцианстве, позволяя увидеть, как этот идеал эволюционировал и адаптировался в различных философских школах и течениях. Этот подход особенно важен для осмысления конфуцианской философии и ее этико-политических учений, включая понимание роли и значимости «Благородного мужа» как в древности, так и в современном обществе.

Таким образом, в рамках аналитического обсуждения конфуцианство, а именно учение о «Благородном муже», представляет собой значимый пример влияния философии на формирование модели социальной структуры и индивидуального сознания личности. Эта древняя доктрина, разработанная Конфуцием, является не просто набором этических принципов, а скорее комплексной системой социально-философского воздействия, направленной на культивирование личности в контексте общественных и моральных норм. Идеал «Благородного мужа» не только выступает как образец для индивидуального подражания, но и служит основой для создания упорядоченного и гармоничного общества. Этот идеал подразумевает стремление к духовному и нравственному самосовершенствованию, преодоление личных интересов в пользу общественных, а также соблюдение установленных норм и традиций. В конфуцианской концепции социальной инженерии ключевое значение имеет образование и интеллектуальное развитие как фундамент для достижения нравственной добродетели и общественного блага. Конфуций утверждал, что только через образование и осмысление нравственных принципов можно достичь истинного самосовершенствования и способствовать гармоничному развитию общества. Конфуцианство оказало значительное влияние на формирование политических и социальных институтов, особенно в Китае. Принципы справедливого управления и моральной ответственности, которые Конфуций внедрил в своем учении, стали основой для создания устойчивых социальных структур и систем управления.

Таким образом, конфуцианское учение о «благородном муже» может быть рассмотрено как мощный инструмент социальной инженерии, направленный на создание новой личности и упорядоченного общества. Если провести параллель с учением Платона о государстве, то будет очевидна следующая особенность в рамках реализации социальных проектов общества. В отличие от Платона Конфуций подошел к построению идеального в человеке, таким образом была определена другая идея реализации социальной инженерии – не от большого проекта к малому (с пошаговой реализацией), а от малого к большому (с моделью личности для репликации

в социуме). Таким образом, предложенная модель государства Платона была направлена на большие финансовые, социальные и культурные изменения в древнегреческом полисе, что не могло не пройти безболезненно для общества, а модель личности Конфуция имела вариативность и была более приспособлена к изменениям для реализации в социуме, была направлена на человека через предложенные морально-этические принципы. Данная идея идеального человека, реализованная в модели личности Конфуция, была направлена непосредственно на участника социальной жизни, следуя предложенным нравственно-этическим нормам в рамках предложенной социально построенной реальности.

Если учитывать, что модель идеального государства Платона осталась без изменений и вошла в историю философии как утопический проект, то социально-инженерный проект «Благородного мужа» продолжает быть актуальным с незначительными изменениями. Это дает основания утверждать: эволюционировав, данная модель личности прошла все исторические этапы трансформации китайского общества от древнего периода (VI–V вв. до н. э.) до современности (XX в.) без существенных изменений.

Идея «Благородного мужа» сохранила свое содержание и взаимодействовала с разными социальными институтами, которые частично меняли социальные условия (для личности), не меняя своих основных компонентов, наслаивая их на уже предложенную модель и дополняя ее.

Проведя параллель между общественными институтами и личностью, можно заключить, что они становились участниками процесса удовлетворения социальных взаимоотношений (материальных и духовных), обоюдно действующих друг на друга. Это взаимодействие двух участников общественных отношений (в процессе своей социальной деятельности для достижения общих целей) проходило все этапы доверия между ее участниками. Таким образом, социальные институты и личность должны были действовать как конгломерат, проходя этап социальной адаптации и процессы аккультурации, социализации и интеграции идей, законов, социальных норм, культурных традиций и т. д.

Все описанное выше в рамках реализованного социально-инженерного проекта «Благородного мужа» можно назвать гибридной моделью личности, которая получила свое распространение и репликацию.

В данном случае применение термина из биологии в социальной философии может быть обосновано тем, что биологические процессы и явления имеют общие черты с социальными процессами и явлениями. Например, термин «репликация» из биологии может быть использован для описания процесса распространения идей или мнений в обществе. В этом контексте репликация может обозначать процесс, когда одна идея или модель личности передается от одного человека другому и таким образом распространяется в обществе. Так, Борис Николаевич Пойзнер говорит о незаметном присутствии репликации в социокультурных процессах [12, с. 85–94]. Они

могут быть более эффективными, чем детерминированные алгоритмы, и иногда являются единственным способом решения задачи.

На примере модели личности «Благородного мужа» можно проследить ее путь от упоминания в философском трактате «Линь Юй» Конфуция до основательной научной базы в философской литературе и устойчивой социально-культурной ценности для китайского общества в настоящее время. Весь путь реализации предложенной модели личности для социальной общности Китая, претерпевая изменения, не потерял своей актуальности, а поэтапная эволюция гибридной личности «Благородного мужа», несмотря на гетерогенность китайского общества, продолжает свое развитие. Данная модель личности выступает в союзе двух общественных участников (общественных институтов и личности) в рамках исторического развития общества, получив свое закрепление в образовательной, культурной и духовной жизни общества Китая, показав ее жизнеспособность, обладая основными компонентами, которые были сформулированы следующим образом:

Компоненты модели гибридной личности «Благородного мужа» (цзюнь- цзы):

1. Жэнь (гуманность).
2. И (праведность).
3. Ли (этикет).
4. Чжи (мудрость).
5. Синь (искренность).

Структура модели гибридной личности:

1. Жэнь (гуманность).

Цель: Развитие чувства любви и сострадания к другим людям.

Средства: Воспитание в семье, образование и моральное наставничество, личное развитие через практику добродетелей.

Результат: Гармоничные межличностные отношения, уважение к другим и забота о ближних.

2. И (праведность).

Цель: Действия должны быть основаны на справедливости и морали.

Средства: Обучение этическим принципам, создание и поддержание справедливых законов и социальных норм, личное соблюдение моральных стандартов.

Результат: Справедливое общество, где люди действуют честно и справедливо.

3. Ли (этикет).

Цель: Соблюдение традиций, ритуалов и социальных норм для поддержания общественного порядка.

Средства: Изучение и соблюдение ритуалов и этикета, проведение общественных церемоний и праздников, воспитание уважения к традициям.

Результат: Социальная гармония и стабильность, уважение к культурным ценностям.

4. Чжи (мудрость).

Цель: Развитие способности к пониманию и принятию правильных решений.

Средства: Образование и непрерывное обучение, анализ и рефлексия на основе полученных знаний, консультации с мудрыми и опытными людьми.

Результат: Способность принимать мудрые и обоснованные решения в различных жизненных ситуациях.

5. Синь (искренность)

Цель: Честность и верность своим словам и обязательствам.

Средства: Обучение принципам искренности и честности, личное развитие через практику честности в повседневной жизни, создание культуры доверия в обществе.

Результат: Доверие и честность в межличностных отношениях, надежность и верность в социальных и профессиональных обязательствах.

Таким образом, все эти компоненты могли быть локально реализованы в любых социальных реалиях и не требовали сложных социальных отношений и структур, институтов для реализации. Над ними не нужно было осуществлять контроль и проводить проверку реализации, процесс социально-инженерного действия идей на личность проходил поступательно, обладая всеми качествами социальной инженерии, предложенной Карлом Поппером, где постепенная социальная инженерия осуществляется в радиусе определенной территории, осуществляется шаг за шагом и корректируется с учетом опыта, а характер социального реформирования заключается в постепенной замене изношенных частей общественного механизма на новые так, чтобы социально-культурное развитие в целом не останавливалось [11, с. 160–179].

Также описанная в статье динамика развития модели гибридной личности обладает всеми качествами типового проектирования В.М. Розина, включающая четыре этапа социального проектирования: замысел, разработка, реализация, исторический и социальный контекст [15, с. 50–67].

Резюмируя, можно сделать заключение, что предложенная модель гибридной личности Конфуция не была простым набором нравственных правил, имела строгую методологию социально-инженерного проекта для формирования личности человека, гарантируя стабильность и позитивный социальный опыт для личности как участника культурной и политической жизни в социуме. Также будучи носителем компонентов модели гибридной личности «Благородного мужа» (жэнь (гуманность), и (праведность), ли (этикет), чжи (мудрость), синь (искренность)) как члена общества, реализовывала социально-инженерные действия двухчастности сознания (интуитивную часть: чувства, эмоции, интуиция; рациональную часть: логика, анализ, рассуждения), выстроив эмоционально устойчивый фон для личности и государства, в котором каждый участник способен сохранять равновесие и адекватно реагировать на различные жизненные ситуации.

Сегодня рассмотрение учения о идеальном человеке Конфуция актуально, т. к. является одним из элементов построения гармоничных взаимоотношений между личностью и социальными институтами.

Список литературы

1. Васильев Л.С., Фурман Д.Е. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) // История и культура Китая: (Сборник памяти акад. В.П. Васильева) / отв. ред. Л.С. Васильев. М.: АН СССР. Ин-т востоковедения, 1974. 479 с.
2. Древнекитайская философия: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 361 с.
3. История китайской философии / Шэнь Чжэн, Чжу Итин, У. Сюнью и др.; пер. с кит. В.С. Таскина; общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. 551 с.
4. Колоколов В.С. Симметрия в изяществе понятий // Китай: история, культура и историография: [сборник статей]. М.: Наука, 1977. 248 с.
5. Конфуций. Суждения и беседы Лунь юй. М.: Шанс, 2019. 420 с.
6. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др.; вступ. ст. Л.С. Переломова. М.: Восточная литература РАН, 2004. 431 с.
7. Конрад Н.И. Избранные труды: синология / сост. Н.И. Фельдман-Конрад; отв. ред. И.М. Ошанин и О.Л. Фишман. М.: Наука, 1977. 621 с.
8. Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй»: в 2 т. / пер. А.С. Мартынова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. Т. 1. 368 с.
9. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука – Восточная литература, 1993. 439 с.
10. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь юй»: Исслед., пер. с кит., коммент; Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: РАН. Ин-т Дал. Востока. Вост. лит. РАН, 1998. 588 с.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1: Чары Платона. 448 с.
12. Пойзнер Б.Н. Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и их системах // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 85–95.
13. Проблема человека в западной философии: Сб. пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 544 с.
14. Рифтин Б.Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в кит. лит. М.: Наука, 1979. 360 с.
15. Розин В.М. Проектирование и программирование. Замысел. Разработка. Реализация. Исторический и социальный контекст: методологическое исследование. М.: Российская академия наук, Институт философии. URSS, 2017. 158 с.
16. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М.: Рос. акад. наук, Ин-т философии. ИФРАН, 2012. 312 с.
17. Creel H.G. Confucius. The Man and Myth. LA: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1951. 370 p.

18. Graham A.C. Later Mohist logic, ethics, and science. Hong Kong: Chinese University Press, 1978. 590 p.

THE NOBLE MAN AS A MODEL OF HYBRID PERSONALITY IN CONFUCIUS' ETHICO-POLITICAL TEACHING

E.V. Dragun, Y.V. Kolesnichenko

Federal State University of Education, Moscow

The concept of the «Noble Man» (junzi) in Confucian teaching and its influence on the formation of moral and ethical standards that emerged during significant socio-economic changes in China in the 6th-3rd centuries BC is considered. The author pays particular attention to the idea of «humanity» (dzhen) proposed by Confucius in his philosophical treatise «Lun Yu» and its interpretations by various scholars. The analysis of the concept of the «Noble Man» as an ideal of spiritual and moral integrity in Confucian philosophy is presented. The relevance of the chosen topic is due to the significant and demanded attention to social transformations within the framework of social engineering implemented through the construction of a hybrid personality model in modern Chinese society.

Keywords: *Noble Man, Confucius, Confucianism, social philosophy, social engineering, personality model, hybrid personality, moral standards.*

Об авторах:

ДРАГУН Евгений Витальевич – аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва. E-mail: edragun27@gmail.com

КОЛЕСНИЧЕНКО Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва. E-mail: julikol@yandex.ru

Authors Information:

DRAGUN Evgeny Vitalievich – PhD student at Federal State University of Education, Moscow. E-mail: edragun27@gmail.com

KOLESNICHENKO Yulia Viktorovna – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy at Federal State University of Education, Moscow. E-mail: julikol@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2024.